

Эволюционная стабильность грамматических стратегий организации дискурса

Елена Маслова

1. Введение

Предлагаемая в этой статье гипотеза возникла на пересечении двух направлений исследований. Одно из них связано с многолетним изучением системы фокуса в двух юкагирских языках, тундренном и колымском, второе состоит в попытках разобраться, продуктивно ли, и если да, то насколько и в какой форме, постепенно входящее в лингвистическую моду применение идей теории эволюции к языковым явлениям [Haspelmath 1999; Croft 2000; Jäger 2006; Kirby 1999; Christiansen & Kirby 2003; *inter alia*].

Одно из удивительных свойств юкагирской системы грамматического фокуса – точнее, двух систем двух юкагирских языков – состоит в нетривиальном сочетании сходств и различий: несмотря на формальную дивергенцию входящих в эти системы показателей, в обоих языках сохраняется общая стратегия маркирования именного фокуса; при этом тундренный юкагирский сохранил дополнительную грамматическую стратегию, исчезнувшую в колымском. Сохранение общей стратегии в обоих языках несмотря на изобилие существенных дивергентных изменений, непосредственно затрагивающих систему фокуса (и – с несколько иной точки зрения – несмотря на длительное существование обоих языков в весьма “агрессивной” с точки зрения языковых контактов среде [Vakhtin 1991]) демонстрирует ее устойчивость по отношению к языковым изменениям. Именно это явление и составляет основной предмет обсуждения в этой статье.

Как я попытаюсь показать, понятие *эволюционно стабильной стратегии* (возникшее на пересечении теории эволюции и теории игр) оказывается полезным при описании механизмов языковых изменений (популярное и увлекательное описание этой идеи дает Ричард Докинз [Dawkins 1989: 202-233]). Несколько упрощая, можно сказать, что стратегия поведения эволюционно стабильна, если появление в популяции членов, пользующихся другой стратегией, не приводит к замещению исходной стратегии новой во всем сообществе. В центре внимания при этом подходе оказываются не источники возникновения новых стратегий, а скорее механизм их распространения в популяции. Если в теории игр вопрос состоит в том, какая стратегия “выиграет” при столкновении, то в предлагаемом здесь лингвистическом приложении этой идеи вопрос состоит скорее в том, какая стратегия употребления грамматической конструкции *окажет влияние* на носителей

других стратегий в процессе общения и, соответственно, получит возможность распространиться в пределах языкового сообщества.

Работа построена следующим образом. В §2 излагается простейшая эволюционная модель языка. При этом набор базовых понятий (§ 2.1) заимствован из эволюционной теории языковых изменений, предложенной Биллом Крофтом [Croft 2000], в то время как анализ механизма распространения мутаций (§§ 2.2—2.3) основан на принципиально иных соображениях, Крофтом не учтенных. В § 3.1 описываются основные свойства юкагирской системы грамматического фокуса, которая включает обще-юкагирскую конструкцию для фокусного выделения единственного центрального участника интранзитивной ситуации (С) и объектного участника транзитивной ситуации (О) и конструкцию для выделения агентивного участника транзитивной ситуации (А), сохранившуюся только в тундрном юкагирском (в дальнейшем я называю их С/О-фокусной и А-фокусной конструкциями, соответственно). Применение предлагаемой эволюционной модели к этому случаю показывает, что стратегия употребления С/О-фокусной конструкции стабильна по отношению к возможным мутациям (§ 3.2), а стратегия употребления А-фокусной конструкции – нет (§ 3.3). Причина этого различия лежит в степени детерминированности выбора конструкции контекстом. В заключении (§ 4) высказываются предположения о том, какое значение для общей типологии имеет продемонстрированный на примере юкагирского языка эффект: можно ожидать, что эволюционная стабильность и широкое распространение в языках мира характерны для тех стратегий маркирования информационной структуры, которые сохраняют большую степень независимости от контекста.

2. Эволюционная модель языка

2.1. Высказывания, грамматики, лингемы

В эволюционной модели языковых изменений, предложенной Биллом Крофтом (Croft 2000: 9-41), используются три типа объектов:

- Конкретные *высказывания*, которыми обмениваются члены языкового сообщества.
- *Ментальные грамматики*, с помощью которых члены языкового сообщества создают и воспринимают высказывания.
- *Лингемы (linguems)* – те объекты, из которых, с одной стороны, строятся высказывания, и которые, с другой стороны, в какой-то форме входят в ментальные грамматики (языковой аналог генов).

Лингвемы – это, по сути дела, языковые единицы (слова, морфемы, конструкции). Как компонент индивидуальной ментальной грамматики, каждая лингвема возникает в процессе освоения языка в результате обработки (анализа и обобщения) языковой информации, содержащейся в множестве услышанных высказываний, и используется при построении и восприятии новых высказываний. Значительное совпадение множеств высказываний, на основе которых возникает каждая новая ментальная грамматика, гарантирует достаточную для общения степень сходства лингвем в рамках одного языкового сообщества. Неизбежные различия между этими множествами, наряду с другими индивидуальными особенностями языкового опыта (например, с двуязычием), могут приводить к вариации, при котором в сообществе сосуществует несколько вариантов одной и той же лингвемы.

Источником языкового изменения является возникновение *мутации* – нового варианта лингвемы в индивидуальной ментальной грамматике. Языковое изменение – это изменение распределения этих вариантов в сообществе путем *репликации*, т.е. уменьшение доли ментальных грамматик, включающих один из вариантов лингемы, за счет увеличения доли ментальных грамматик, включающих другой ее вариант. Для простоты можно считать, что языковое изменение представляет собой постепенную замену одного варианта лингемы на другой, при которой первый вариант постепенно выходит из употребления. Такой сдвиг происходит за счет двух процессов:

1. Модификация ментальных грамматик (а значит, и дальнейшего языкового поведения) носителей консервативного варианта лингемы ("консерваторов") под влиянием общения с носителями инновативного варианта ("новаторами").
2. Появление в популяции новых носителей с ментальными грамматиками, включающими инновативный вариант (в результате увеличения общей доли содержащих его высказываний), и исчезновение грамматик с консервативным вариантом при смене поколений.

В этой статье анализируется только первый процесс, точнее, механизм передачи мутации от новатора к консерватору в процессе обмена высказываниями, в результате которой (бывший) консерватор перенимает новый вариант и начинает использовать его в последующем речевом поведении. Общение консерваторов с новаторами не обязательно приводит к репликации нового варианта лингемы (т.е. к изменению ментальной грамматики консерватора за счет включения в нее нового варианта) – в этом процессе может играть роль множество разнообразных социолингвистических факторов. В этой статье анализируется одно из обязательных условий передачи мутации, без выполнения которого социолингвистические факторы нерелевантны, – *видимость* (заметность) мутации при коммуникации. При этом рассматривается только один тип изменений – изменение

функционирования лингвемы (в противоположность изменению способа выражения лингвемы).

2. 2. Стратегии употребления лингвемы

Понятие *стратегии употребления лингвемы* включает как значение в узком смысле слова, так и не обусловленные им непосредственно ограничения на употребление, а также любые факторы, влияющие на выбор конструкции из множества вариантов в тех ситуациях, которые такой выбор допускают. Имеется в виду, что каждый носитель языка в каждый момент времени использует одну стратегию употребления для каждой конструкции. Будем называть стратегию *доминирующей*, если ее использует подавляющее большинство носителей языка.

Один из важных типов языковых изменений – смена доминирующей стратегии употребления лингвемы. В рамках описанной в § 2.1 модели, источником такого изменения является *мутация* – появление носителей языка, “играющих” по новой стратегии, например, использующих лингвему в каком-либо новом значении или, наоборот, не использующих ее в некоторых контекстах, разрешенных *доминирующей* стратегией. По-видимому, имеет смысл различать *автономные* и *вторичные* мутации стратегий употребления лингвемы. Автономной будем называть мутацию, возникновение которой не является следствием какой-либо другой мутации, вторичной – мутацию, которая возникает как результат другой мутации, (например, “вытеснение” лингвемы из некоторого контекста в результате появления нового способа выражения того же значения).

В дальнейшем я буду исходить из существования двух типов ограничений на множество возможных мутаций. Во-первых, мутация не должна выводить стратегию из множества теоретически возможных стратегий употребления лингвем. В контексте данной статьи существенно лишь одно из ограничений этого типа, а именно, *сохранение связности* семантического пространства, т.е. множества употреблений лингвемы: стратегия употребления лингвемы должна соответствовать непрерывной области в “семантическом пространстве”. Во-вторых, вряд ли возможны мутации, за один шаг кардинально изменяющие стратегию употребления. В некотором смысле, возможные мутации – это одношаговые изменения, такие как снятие или добавление одного ограничения на употребление лингвемы, возникновение одного нового подзначения, и т. д. [Bybee et al. 1994: 15-18; Croft 2000: 99-114; Harris & Campbell 1994: 258ff; *inter alia*]. Это свойство я буду условно называть *минимальностью* лингвистических мутаций.

Скорее всего, эмпирически более адекватный подход состоял бы в описании этих ограничений в вероятностных терминах (чем сильнее нарушение связности или изменение

значения, тем меньше вероятность такой мутации), но в контексте этой статьи такое усложнение модели было бы излишним.

2.3. Стабильность как невидимость мутаций

Индивидуальная мутация превращается в языковое изменение в том случае, если инновативная стратегия распространяется в пределах языкового сообщества, то есть постепенно перенимается другими носителями языка в результате общения с “носителями мутации”. Обязательное условие самой возможности передачи мутации от одного члена языкового сообщества к другому – существование высказываний-распространителей мутации, т.е. высказываний, *опознаваемых* носителем одной стратегии (точнее, его ментальной грамматикой) как результат применения другой стратегии. Для этого высказывание должно – тем или иным способом – вступать в противоречие с его ожиданиями, основанными на его собственном знании языка. Без таких высказываний, новая стратегия остается *невидимой* для консервативной ментальной грамматики, а значит, не может реплицироваться в рамках этой грамматики.

Рассмотрим для начала один простой, но важный класс невидимых мутаций. Пусть инновативная стратегия А включает более *узкое* значение лингемы, чем консервативная стратегия В. В этом случае, любое употребление лингемы в соответствии с инновативной стратегией легко интерпретируется в рамках В-стратегии, то есть никакое употребление лингемы носителем А-стратегии не будет противоречить ожиданиям носителя В-стратегии. Иными словами, высказываний-распространителей сужающих мутаций не существует – сужающие мутации невидимы, а потому не могут распространиться по популяции и стать источником языкового изменения (ниже мы рассмотрим несколько важных исключений из этого правила). Это простое соображение объясняет широко наблюдаемую тенденцию, лежащую в основе процессов грамматикализации, а именно, тенденцию к семантическому расширению [Lehmann 1985; Bybee et al. 17-20; *inter alia*]: описанный выше эффект последовательно препятствует распространению сужающих мутаций, тогда как расширяющие мутации легко распространяются по популяции. Ожидаемый макрорезультат этого процесса – постепенное расширение значения лингвем.

Для иллюстрации этого эффекта рассмотрим русскую конструкцию с *ни разу*. В современном русском языке сосуществуют две стратегии употребления этой лингемы. Консервативная стратегия связана с лексическим значением слова *раз*: *ни разу* употребляется только в таких отрицательных предложениях, в утвердительных вариантах которых допустимо указание на то, *сколько раз* совершалось действие (*Я ни разу не был в Париже* vs. *Я был в Париже один/два/три раз(а)*). Функция лингемы в таких контекстах, по существу, эмфатическая: с точки зрения пропозициональной семантики *Я ни разу не*

был в Париже эквивалентно нейтральному *Я не был в Париже*. Кроме того, существует уже распространившаяся на часть языкового сообщества мутация, допускающая использование *ни разу* в контекстах типа *Она ни разу не красивая* (пример из интернета), где связь с исходной семантикой числа повторений теряется, и остается только эмфатическая функция (возможно, реинтерпретированная как указание на минимальную степень обладания признаком – абсолютный ноль на шкале, обозначенной предикатом). Структура этой вариации такова, что консерваторы никак не демонстрируют новаторам особенности своей стратегии в рамках нормального общения (исключая случаи прямой критики “неправильного” употребления): в их репертуаре нет высказываний, которые опознавались бы новаторами как несоответствующие их собственному речевому поведению. Напротив, высказывание типа *Она ни разу не красивая* – это типичное высказывание-распространитель мутации: оно неизбежно воспринимается консерватором как использование инновативной стратегии употребления *ни разу*. Таким образом, носители более узкой стратегии регулярно получают информацию о наличии в сообществе альтернативной стратегии, что дает им принципиальную возможность ее перенять, отказавшись, таким образом, от своей собственной стратегии в пользу более широкой. Это с большой вероятностью рано или поздно приведет к языковому изменению, т.е. к смене доминирующей стратегии, при котором семантическая связь *ни разу* с *раз* будет потеряна, и *ни разу* постепенно превратится в показатель отрицания. Представим себе, однако, что в сообществе носителей русского языка есть члены, которые употребляют *ни разу*, например, только с глаголами совершенного вида (т.е. являются носителем одной из возможных сужающих мутаций доминирующей стратегии). Если такие носители русского языка и существуют, то особенности их речевого поведения остаются невидимыми для консервативных грамматик, а значит, эта мутация не имеет шансов на распространение.

Существует несколько важных исключений из принципа невидимости сужающих мутаций. Прежде всего, если стратегия требует грамматически обязательного употребления лингвемы в каком-либо контексте, то мутация, сужающая ее употребление в этом контексте, окажется видимой: если доминирующая стратегия *требует* наличия лингвемы в высказывании, то отсутствие этой лингвемы вступает в противоречие с ожиданиями консерватора и опознается как инновация. Близкий, но несколько иной случай связан с парадигмами, в которых сужение стратегии употребления одного из членов оппозиции эквивалентно расширению стратегии употребления другого: в этом случае сужающая мутация видима постольку, поскольку видима непосредственно с ней связанная расширяющая мутация (независимо от того, какая из них автономна, а какая – вторична). Интересно отметить, что эти исключения соответствуют, по сути дела, естественному пределу процесса грамматикализации, то есть встраиванию лингвемы в парадигму обязательных грамматических значений, при котором ее собственная стратегия употребления в значительной степени определяется значениями и стратегиями

употребления остальных членов парадигмы.

Сужающие мутации – важный, но не единственный класс невидимых мутаций. Как будет показано ниже, конкретная стратегия употребления лингемы может быть устроена так, что *любые* автономные мутации этой стратегии, удовлетворяющие условиям минимальности и сохранения связности, будут невидимы для носителей этой стратегии. Такие стратегии удобно называть эволюционно *стабильными*, поскольку смена доминирующей стратегии такого типа невозможна без возникновения “внешних” дестабилизирующих факторов (таких как, например, вторжение новых конструкций в ту же семантическую область). Необходимо подчеркнуть, что такое понятие стабильности включает только предсказание сохранения в языке доминирующих стабильных стратегий, но ни в коем случае не предсказание неизбежного быстрого изменения нестабильных стратегий: из существования механизма распространения мутаций никак не следует неизбежность их распространения (и уж тем более вероятность их возникновения).

3. Юкагирский фокус: стабильность дискурсивных стратегий

3.1. Очерк парадигмы юкагирского фокуса

Как морфосинтаксические свойства, так и детали функционального распределения конструкций, входящих в юкагирскую фокусную парадигму, неоднократно описаны [Маслова 1997; 2005]. В этом параграфе кратко суммируются лишь существенные для оценки эволюционной стабильности свойства этих грамматических оппозиций. Это описание выдержано по возможности в рамках терминологической парадигмы, предложенной Ламбрехтом [Lambrecht 1994], в центре которой стоит понятие *информационной структуры*. Информационная структура высказывания определяется областью действия иллокутивного оператора, или *сферой фокуса*. В высказываниях с *узким* именным фокусом именная группа (или один из ее компонентов) – единственный элемент фокуса, а остальная часть высказывания описывает его пресуппозицию. В высказываниях с *широким фокусом* в сферу фокуса входит глагол и как минимум одна именная группа; в частности, широкий фокус может включать все компоненты высказывания.

Фокусные парадигмы юкагирских языков имеют ярко выраженный общий центр – конструкцию с именным фокусом, оформляемым предикативным показателем (т.е. тем же показателем, что и предикативная ИГ в конструкции с именным предикатом без глагола-связки). Эта конструкция накладывает сильные ограничения на ролевой статус именного фокуса: в этой позиции допускаются только единственный центральный партиципant интранзитивной ситуации (С) и объектный партиципant транзитивной ситуации (О). Как

предикативная форма именного фокуса, так и сопровождающие ее формы главного глагола указывают на конструкцию типа клефта (именной предикат + относительное предложение) как источник С/О-фокусных конструкций [Maslova 1997; 2003: 437-472], ср. пример С-фокусной конструкции в (1а) с предикативной конструкцией в (1б) и с относительным предложением в (1с).

- (1) а. ... *qahime-leŋ* *kelu-l*
ворон-ПРЕД прийти-СФ
“...прилетел ворон”
- б. *qahime-leŋ*
ворон-ПРЕД
“Это ворон.”
- в. *kelu-l* *qahime*
прийти-АТР ворон
“прилетевший ворон”

Это позволяет, исходя из обще-типологических соображений, восстановить исходную стратегию употребления этой конструкции – скорее всего, первоначально она использовалась для факультативного выделения узкого именного фокуса. В современных юкагирских языках, эта конструкция употребляется для более широкого класса информационных структур, включающего структуры с широким фокусом, и является грамматически обязательной для структур с узким именовым фокусом (например, специальный вопрос к С или О, как и ответ на него, может быть оформлен только С/О-конструкцией).

В колымском юкагирском С/О-фокусная конструкция противопоставлена только нейтральной конструкции, отличающейся от С/О-фокусной структуры падежным оформлением С/О и глагольными формами. Остальные детали информационной структуры передаются линейно-интонационными средствами. В тундренном юкагирском фокусная парадигма включает, наряду с нейтральной и С/О-фокусной конструкциями, также специальную конструкцию для фокусного выделения агентивного участника транзитивной ситуации (А), формально отличающуюся от всех остальных конструкций этой парадигмы прежде всего отсутствием личных показателей у финитного глагола. А-фокус не допускает предикативных показателей: А в А-фокусной конструкции остается морфологически немаркированным. В отличие от С/О-фокусных конструкций, А-фокусная конструкция появляется *только* в высказываниях с узким фокусом на А; если А входит в состав широкого информационного фокуса, эта конструкция недопустима.

С типологической точки зрения, наиболее удивительная особенность А-фокусной конструкции – ее абсолютная формальная немаркированность (она противопоставлена остальным членам фокусной парадигмы исключительно нулевыми показателями) при очень четкой функциональной маркированности и весьма низкой частотности в дискурсе: эта конструкция встречается намного реже, чем любая другая конструкция парадигмы.

Формальной противопоставление А-фокусной и нейтральной конструкции иллюстрируется следующими примерами:

- (2) a. *nime-le*   *aq*   *rajr*   *wie-nun*
жилище-АКК   только   женщина   делать-ХАБ(АФ)
'Только женщины устанавливают жилища.' [Крейнович 1982: 210]
- b. *rajr*   *nime-le*   *te-wie-nunni-m*
женщина   жилище-АКК   АФФ-делать-ХАБ-ТР:Зед
'Женщины устанавливают жилища.'

Это сочетание признаков вступает в явное противоречие с широко наблюдаемой в языках мира тенденцией к корреляции формальной и функциональной маркированности (низкой частотности). В свете того, что более частотные фокусные конструкции сохраняют морфологические показатели как на именном фокусе, так и на финитном глаголе, представляется весьма неправдоподобной возможность возникновения современной немаркированной А-фокусной конструкции путем потери морфологических показателей. Представляется наиболее вероятным, что А-фокусная конструкция в тундренном юкагирском – это, напротив, “реликт” бывшей нейтральной (немаркированной по признаку информационной структуры) конструкции, которая не включала никаких морфологических показателей, в частности, никаких показателей лица подлежащего на глаголе. В соответствии с этой гипотезой, эта немаркированная конструкция была постепенно вытеснена в свою нынешнюю узкую функциональную область за счет расширения стратегий употребления двух более маркированных конструкций переходного предложения: с одной стороны, О-фокусной конструкции с предикативом, а с другой – той пра-конструкции, которая стала источником нынешних нейтральных конструкции в обоих юкагирских языках, а исходно была, по-видимому, конструкцией с топикализацией А, требующей указателей на лицо/число топика внутри комментария. Именно эти указатели сохранились в современных юкагирских языках в виде показателей лица/числа А в нейтральной форме финитного глагола. Если принять эту гипотезу, то окажется, что подобная немаркированная конструкция существовала и в колымском юкагирском, но была утрачена.

3. 2. Стабильность стратегии маркирования С/О-фокуса

Как уже говорилось выше, стратегия употребления С/О-фокусных конструкций в обоих юкагирских языках включает два жестких ограничения:

- Если в сферу информационного фокуса входит только С/О или какой-либо компонент

С/О (т.е. в высказываниях с так называемым *узким фокусом*), С/О-конструкция обязательна.

- Если С/О не входит в сферу информационного фокуса (например, является топиком или частью пресуппозиции), то эта конструкция недопустима.

Если С/О входит в сферу информационного фокуса, но не является единственным его элементом, употребление этой конструкции возможно, но не обязательно. Не углубляясь в детальное описание факторов, которые могут влиять на выбор конструкции в таких контекстах, важно выделить два общих свойства этой вариативности. С одной стороны, выбором С/О-фокусной конструкции говорящий эксплицитно маркирует принадлежность С/О к информационному фокусу, тогда как нейтральная конструкция по этому признаку немаркирована. Соответственно, одним из важных факторов, мотивирующих выбор С/О-фокусной конструкции является невозможность этого аспекта информационной структуры из контекста и содержания высказывания. С другой стороны, если контекст “навязывает” высказыванию информационную структуру с узким фокусом (как, например, контекст специального вопроса к С/О), С/О-фокусная конструкция обязательна, что создает контекстную зависимость противоположной направленности, при которой выбор конструкции подчеркивает ожидаемую информационную структуру. Взаимодействие этих двух факторов обеспечивает говорящему значительную степень свободы выбора конструкции в высказываниях с широким фокусом. Этот выбор не сводится к оценке контекста высказывания; наоборот, он несет дополнительную информацию о роли данного высказывания и его отдельных компонентов в дискурсе. Более того, функциональная значимость этой оппозиции определяется именно тем, что эта дополнительная информация может вступать в противоречие с контекстными ожиданиями слушающего.

Для демонстрации стабильности такой стратегии маркирования фокуса можно ограничиться более простым случаем переходных предложений, то есть С-фокусной конструкцией (те же аргументы легко переносятся на случай О-фокусных конструкций). Если отвлечься от периферийных компонентов предложения, пространство возможных информационных структур интранзитивных предложений может быть представлено следующей схемой, в которой фигурные скобки обозначают сферу фокуса, а прерывистая линия отражает доминирующую стратегию употребления С-фокусной конструкции в обоих юкагирских языках:

$$(3) \quad \{S\}V \text{ -- } \{SV\} - S\{V\}$$

Легко видеть, что автономные, минимальные и сохраняющие связность мутации стратегии употребления С-фокусной конструкции лежат внутри функциональной области $\{SV\}$, т.е. такая мутация может состоять только в изменении набора или относительного “веса”

факторов, определяющих выбор между С-фокусной и нейтральной конструкцией в этой области. В предельных случаях, сужающая мутация приводит к употреблению этой конструкции только в высказываниях с узким фокусом, а расширяющая – к ее обязательному употреблению во всех высказываниях с широким фокусом. Рассмотрим эти два случая с точки зрения стабильности доминирующей стратегии по отношению к таким мутациям.

Пусть консерватор разговаривает с носителем сужающей мутации. Распространителем мутации может оказаться только такое высказывание новатора, которое одновременно удовлетворяет двум условиям:

- i.** Информационная структура по каким-то контекстным признакам восстановлена консерватором как {SV}.
- ii.** Новатор использовал нейтральную конструкцию, так как он не употребляет С-фокусную конструкцию для высказываний с широким фокусом.

Однако возможность восстановить информационную структуру без специального маркирования (первое условие) является одним из мотивирующих факторов отказа от С-фокусной конструкции и для доминирующей стратегии. Таким образом, нейтральная конструкция в таком контексте (второе условие) не нарушает ожиданий консерватора – он и сам мог бы ее использовать в таком же контексте, хотя и по другим причинам. Поскольку те причины, по которым новатор использовал эту конструкцию консерватору невидимы, то и сама мутация остается невидимой. Это значит, что высказываний-распространителей сужающей мутации не существует, то есть доминирующая стратегия маркирования С-фокуса стабильна по отношению к сужающим мутациям. Если такие мутации и возникают, они остаются индивидуальными особенностями речи потенциальных новаторов.

Рассмотрим теперь случай столкновения консерватора с новатором-носителем расширяющей мутации. В этом случае высказывание-распространитель мутации должно удовлетворять следующим условиям:

- i.** Информационная структура восстановлена консерватором как {SV}.
- ii.** Новатор использовал С-фокусную конструкцию, поскольку он употребляет эту конструкцию во всех высказываниях с широким фокусом.

В этой ситуации восстановленная консерватором информационная структура вполне укладывается в его собственную семантику С-фокусной конструкции, что означает, что мутация остается невидимой. Единственное возможное исключение – ситуация, когда консерватор ожидал бы нейтральной конструкции на основании контекста и содержания

высказывания. Однако, как упомянуто выше, суть вариативности фокусной парадигмы в функциональной области {SV} состоит в том, что она позволяет выражать оттенки дискурсивных значений, невозстановимые из контекста; иными словами, она дает говорящему дополнительные возможности для организации дискурса. Например, использование С-фокусной конструкции в высказывании с широким фокусом может быть мотивировано стремлением внести значение неожиданности или контрастивности, или подчеркнуть значимость субъектного референта для дальнейшего развития дискурса. В результате, любое употребление С-фокусной конструкции в высказывании с широким фокусом естественно интерпретируется в рамках доминирующей стратегии как несущее один из невозстановимых по контексту оттенков значения. Другое дело, что такая интерпретация конкретного высказывания консерватором, скорее всего, будет богаче интерпретации, предполагавшейся инноватором, для которого С-фокусная конструкция в таком контексте просто обязательна. Для нас существенен только тот факт, что сама мутация остается невидимой, хотя и за счет некоторого различия между тем значением, которое передавал говорящий, и тем значением, которое воспринял слушающий. Таким образом, стратегия стабильна и по отношению к расширяющим мутациям.

Особенность грамматических оппозиций, относящихся – полностью или частично – к сфере информационной структуры и организации дискурса, заключается в том, что такого рода “несовпадения” между “значением говорящего” и “значением слушающего” остаются незамеченными и практически не мешают коммуникации. Это не те несовпадения, которые можно было бы описать в терминах истинности и ложности: они не приводят к возникновению несовместимых моделей обсуждаемых ситуаций, а потому остаются незамеченными собеседниками. Суть этого эффекта будет проще продемонстрировать на примере родного языка. В повести Лидии Чуковской “Спуск под воду” встречается употребление пассива в контексте, в котором, на первый взгляд, следовало бы ожидать актива: *Очередь была мною занята еще с вечера*. В данном случае, чуть ли не все релевантные факторы – иерархия лиц, одушевленность, топикальность, новизна – заставляют ожидать активной конструкции, а вместо нее появляется пассив, который если и не запрещен доминирующей стратегией в таком контексте, то, как минимум, маловероятен. Несмотря на это, такое употребление не воспринимается как инновативное, так как оно допускает естественную интерпретацию в рамках доминирующей стратегии: например, целью выдвижения слова *очередь* в позицию подлежащего может быть указание на центральность его референта для автора и придание ему статуса семантической темы предложения. Тем не менее, подобное употребление – особенно если оно встретится не в отредактированном художественном тексте, а в естественной речи – вполне может быть и признаком расширяющей мутации стратегии употребления русского пассива, так что приведенная интерпретация оказалась бы “иллюзией” консервативного слушающего. Стабильность стратегии определяется тем, что

эта иллюзия сводится к оттенкам информационной организации дискурса и практически не может быть разрушена дальнейшим разговором или противоречием с имеющейся у слушающего информацией. То же самое, на мой взгляд, происходит с возможными расширяющими мутациями стратегии употребления юкагирской С-фокусной конструкции. Аналогичное рассуждение применимо и к О-фокусной конструкции, так как стратегия ее употребления практически идентична стратегии применения С-фокусной конструкции.

3.3. А-фокусная конструкция: пример нестабильной стратегии

А-фокусная конструкция существенно отличается от С/О-фокусных конструкций как формально, так и функционально. С формальной точки зрения, она не имеет эксплицитных маркеров информационной структуры и противопоставлена нейтральной конструкции прежде всего отсутствием глагольных показателей лица/числа. Обсуждение роли этого формального различия в эволюционном поведении конструкции выходит за рамки настоящей работы; можно предположить, однако, что формальная немаркированность может понижать вероятность расширяющих мутаций, поскольку использование А-фокусной конструкции вместо нейтральной сводится, по сути дела, к неупотреблению морфологически обязательных глагольных показателей лица/числа.

С функциональной точки зрения, А-фокусная конструкция отличается тем, что доминирующая в тундренном юкагирском стратегия допускает ее употребление только в высказываниях с узким фокусом на А; при этом ее употребление в таких высказываниях обязательно. Это свойство конструкции приводит к нестабильности стратегии по отношению как к сужающим, так и к расширяющим мутациям. Допустимые сужающие мутации этой стратегии сводятся к тому, что появляется возможность употребления нейтральной конструкции в (некоторых) высказываниях с узким фокусом на А. Таким образом, высказывание-распространитель сужающей мутации должно обладать следующими свойствами:

- i.** Информационная структура восстановлена консерватором как $\{A\}OV$ по контекстным признакам.
- ii.** Новатор использовал нейтральную конструкцию.

Существует два типа контекстов, способных обеспечить выполнение первого условия, т.е. позволяющих слушающему однозначно восстановить информационную структуру $\{A\}OV$. Контексты первого типа включают такую информацию о событии, которая эксплицитно установлена в качестве известной обоим говорящим и в которой остается неизвестным только референт А (например, в ситуации “специальный вопрос – ответ”). Контексты

второго типа включают фокус контраста, т.е. эксплицитное противопоставление указанного референта А другому потенциально возможному участнику описываемого события. Особенность этих контекстов состоит именно в том, что они четко и однозначно детерминируют информационную структуру высказывания, так что использование нейтральной конструкции не может изменить эту интерпретацию. Консерватор ожидает услышать А-фокусную конструкцию в качестве единственно возможной в данном контексте. В результате использование нейтральной конструкции воспринимается как нарушение конвенции, т.е. сужающая мутация “видна” носителям консервативной стратегии и имеет возможность распространиться. Именно это, по-видимому, и произошло когда-то в колымском юкагирском, где эта конструкция постепенно вышла из употребления.

Допустимые расширяющие мутации стратегии маркирования А-фокуса сводятся к возможности употребить данную конструкцию в некоторых высказываниях с широким фокусом, включающим А и глагол. Как и в предыдущих случаях, такое высказывание должно появиться в контексте, который позволил бы слушающему идентифицировать информационную структуру с широким фокусом несмотря на использование конструкции, маркирующей другую информационную структуру. Такие контексты существуют: например, если высказывание описывает новое событие с новым активным участником (референтом А), появляющееся в контексте описания последовательно сменяющихся друг друга событий с общим участником–референтом О данного высказывания, то информационная структура с узким фокусом с таким контекстом несовместима. Таким образом, стратегия маркирования А-фокуса нестабильна и по отношению к расширяющим мутациям.

Пример фокусных парадигм юкагирских языков демонстрирует, что факторы, относящиеся к области информационного структурирования высказывания и организации дискурса, обеспечивают стабильность стратегии употребления конструкции только при условии относительной независимости от легко идентифицируемых контекстных признаков. Стратегия, предполагающая одно-однозначное соответствие между конструкцией предложения и детерминированной контекстом информационной структурой, – например, стратегия маркирования А-фокуса в тундренном юкагирском – стабильной не является, так как мутации такой стратегии неизбежно будут “замечены” консервативными носителями языка.

4. Заключение

Понятие стабильности стратегии употребления конструкции охватывает класс стратегий,

для которых не работает механизм распространения автономных мутаций от одного члена языкового сообщества к другому; в этом случае смена доминирующей стратегии без давления внешних по отношению к языковой подсистеме факторов невозможна. Следует еще раз подчеркнуть, что из сказанного никак не следует невозможность длительного существования в каком-либо языке нестабильной (в указанном смысле) доминирующей стратегии: наличие механизма распространения мутации само по себе не гарантирует ни распространения, ни – тем более – возникновения мутаций. В общей теории языковых изменений рассмотренный здесь эффект невидимости мутаций должен играть роль лишь одного из факторов, предсказывающих вероятность возможных языковых изменений. С типологической точки зрения, следовательно, этот эффект может отражаться в относительной частотности стратегий разного типа в языках мира: данная модель предсказывает, что стабильные стратегии встречаются в языках мира чаще, чем нестабильные, поскольку стабильность исключает один из механизмов изменения стратегии и, таким образом, увеличивает ожидаемое “время жизни” стратегии в языке.

Как показано в § 3, стратегия употребления грамматической конструкции стабильна, если в ней играют роль факторы, которые относятся к области организации дискурса, но при этом не детерминированы контекстом, известным слушающему к моменту высказывания. Хотя типологическое исследование этого вопроса выходит за рамки этой статьи, нельзя не отметить, что с такими стратегиями мы сталкиваемся практически в любом языке. Сплошь и рядом оказывается что, с одной стороны, влияние информационной структуры и дискурсивного контекста на выбор конструкции не вызывает сомнений, а с другой – однозначно предсказать этот выбор на основании контекста невозможно. Подобная ситуация наблюдается для подавляющего большинства залоговых парадигм, “сдвигов датива” и “продвигающих” конструкций разных типов, не говоря уже о вариациях в порядке слов. В данной статье предлагается простое объяснение этого явления: возникновение такой стратегии в качестве доминирующей приводит к невидимости дальнейших мутаций, а значит – к невозможности их репликации и распространения по языковому сообществу. Раз появившись, такая стратегия с большой вероятностью надолго сохранится в языке.

В заключение отметим одно из ожидаемых следствий этого явления: с высокой вероятностью мы будем наблюдать вариативность стратегий употребления таких конструкций в пределах одного языкового сообщества. Так как возникающие мутации не могут распространиться, они остаются индивидуальными особенностями говорящих. В таком случае следует говорить не о единой стабильной доминирующей стратегии, а о “стабильной вариативности”, т.е. о стабильном множестве взаимно-совместимых стратегий, различие между которыми остается невидимым в процессе коммуникации.

Литература

- Крейнович, Е.А. 1982. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Ленинград: Наука.
- Bybee, Joan, Revere Perkins and William Pagliuca. 1994. *The evolution of grammar. Tense, aspect and modality in the languages of the world*. The University of Chicago Press.
- Christiansen, Morten H, and Simon Kirby. 2003. *Language Evolution*. Studies in the evolution of language 3, Oxford; New York: Oxford University Press.
- Croft, William. 2000. *Explaining language change. An evolutionary approach*. Longman Linguistics Library.
- Dawkins, Richard. 1989. *The Selfish Gene*. Oxford University Press, 2nd edition.
- Jäger, Gerhard. 2006. "Evolutionary Game Theory and Typology: A Case Study." *Language: to appear*.
- Harris, Alice and Lyle Campbell. 1995. *Historical Syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haspelmath, Martin. 1999. "Optimality and Diachronic Adaptation." *Zeitschrift für Sprachwissenschaft* 18-2: 180-205.
- Kirby, Simon. 1999. *Function, Selection, and Innateness: The Emergence of Language Universals*. Oxford ; New York: Oxford University Press.
- Lambrecht, Knud. 1994. *Information structure and sentence form. A theory of topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lehmann, Christian. 1985. Grammaticalization: synchronic variation and diachronic change. *Lingua e Stile* 20, 3: 303-318.
- Maslova, Elena. 1997. Yukaghir Focus System in a Typological Perspective. *Journal of Pragmatics* 27. 457-475.
- Maslova, Elena. 2003. *A Grammar of Kolyma Yukaghir*. Mouton de Gruyter.
- Maslova, Elena. 2005. Information structure in Tundra Yukaghir and typology of focus structures. In *Les langues ouralinennes aujourd'hui*, M.M. Jocelyne Fernandez-Vest (ed.)
- Vakhtin, Nickolay. 1991. The Yukaghir language in sociolinguistic perspective. In: *Linguistic and Oriental Studies from Poznac*. 47-82.